

А. Е. Маньков

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА
В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ¹**

«Исторически объяснять индоевропейский язык мы будем в состоянии только тогда, когда будет доказано его родство с другими языковыми семьями, когда таким образом окажется возможным установить системы соответствий и при их помощи составить себе представление о доиндоевропейском периоде» [Мейе 1938: 81].

Происхождение индоевропейской категории рода – один из главных и наиболее трудных вопросов, стоящих перед сравнительно-историческим языкознанием. Несмотря на многочисленные исследования, диахроническая структура той трёхчленной системы родовых противопоставлений, которая представлена (или была представлена) во всех индоевропейских языках, кроме анатолийских, тохарских и армянского, остаётся неясной. Трудность заключается прежде всего в том, что в большей части случаев не виден принцип отнесения существительных к тому или иному роду: уже в самый ранний период засвидетельствованной истории всех индоевропейских языков род является не только полностью сложившейся, но и десемантизированной категорией. Соответствия между засвидетельствованными формами говорят лишь о праиндоевропейском характере категории рода, но мало проясняют её диахроническую структуру. Реконструкция формирования категории рода связана с рассмотрением этимологии формантов, которые становятся элемен-

¹ Выражаю глубокую благодарность Владимиру Антоновичу Дыбо и Вячеславу Всеволодовичу Иванову, взявшим на себя труд прочитать рукопись статьи и высказать ряд важных замечаний.

тами индоевропейской системы классификационных противопоставлений. Для диахронического изучения рода необходимо также рассмотреть эволюцию плана содержания классифицирующих категорий и установить факторы, определяющие направление этой эволюции. В связи с этим в данной статье решаются следующие основные проблемы:

1) Диахрония плана содержания: а) Каковы объективные предпосылки именной классификации? б) Какие качества определяли восприятие одних предметов как одушевлённых, других – как неодушевлённых? (Более или менее очевидные случаи типа лат. *rōtus*, -ī ж. ‘фруктовое дерево’ ~ *rōtum*, -ī с. ‘древесный плод’ немногочисленны.) в) В чём заключается телеологическая направленность классификации?

2) Диахрония плана выражения: а) Как складывается формальное противопоставление имён, отражающее вышеуказанное различие в восприятии? б) Как происходит разделение одушевлённого класса на m и f? в) Имеет ли это разделение какую-либо семантическую мотивацию?

Поскольку формирование категории рода относится к доисторическому периоду, оно должно изучаться путём анализа реконструированных форм: речь идёт о перенесении метода внутренней реконструкции с засвидетельствованных языков на язык незасвидетельствованный, в данном случае праиндоевропейский. Реконструкция развития праязыка и установление в нём относительной хронологии возможно прежде всего потому, что в засвидетельствованных языках отражены явления разных периодов истории праязыка, в том числе самых ранних. Однако, проблема в том, что глубинная праязыковая реконструкция, как бы логично она ни была построена, всегда остаётся лишь одной из возможных интерпретаций и требует проверки фактами. Ими в данном случае могут быть только данные внешнего сравнения². Приводи-

² Не следует считать, что обращение к внешнему, неиндоевропейскому, материалу в целях объяснения индоевропейских фактов является объяснением неизвестного через ещё более неизвестное. Скептическое отношение к опытам внешнего сравнения связано, по-видимому, с недооценкой возможностей метода «ступенчатой (или поэтапной) реконструкции.» Эта недооценка является следствием представления о реконструированных праязыковых формах как об условной абстракции, при которой неизбежно отвлечение от

мые нами данные внешнего сравнения основаны на ностратической реконструкции в её наиболее обоснованном и убедительном виде, а именно, на работах В. М. Иллич-Свитыча.

* * *

Несмотря на непредсказуемость и десемантизованность выбора показателей им. п. ед. ч., само различие в маркировании этой позиции не может возникнуть немотивированно. Оно может быть связано с каким-то существовавшим ранее различием в восприятии денотатов. Существенно, что показатель прямого объекта и одушевлённых, и неодушевлённых имён совпадает с показателем неодушевлённого субъекта **-m*. Это совпадение показывает, что

языковой реальности и пренебрежение фактами; чем глубже реконструкция, тем выше степень «абстракции» и тем значительнее потеря информации. Однако при последовательном применении сравнительно-исторического метода никакой потери информации нет; лингвистическая реконструкция, основанная на сравнительно-историческом методе, – это единственный способ установления диахронической структуры элементов языка [Дыбо 1994: 43-44]. В этом смысле «реконструкция более содержательна и информативна, чем отдельный языковой факт» [Дыбо 2003: 75, 77]. Хронологическое углубление реконструкции при строгом соблюдении сравнительно-исторического метода само по себе не ведёт к потере информации. Если какое-либо явление (например, категория рода) не может быть объяснено на синхронном уровне, в том числе праязыковом, следует углублять реконструкцию и давать диахроническую интерпретацию реконструированным праязыковым фактам, основываясь на внешнем сравнении. Единственное препятствие, возникающее перед лингвистической реконструкцией – это невозможность обнаружить какие-либо допускающие соотнесение элементы: в этом случае нет материала для сравнения и реконструкции. Существование соотносимых элементов в лексике, словообразовании и словоизменении шести языковых семей Евразии, в том числе индоевропейской, было убедительно интерпретировано как свидетельство генетического тождества этих элементов и, следовательно, родства данных языковых семей [Иллич-Свитыч 1971; 1976; 1984]. В результате появилась та возможность «составить себе представление о доиндоевропейском периоде», которую предвидел А.Мейе. Необходимо отметить, что если в начале XX в. ещё можно было ограничивать задачу исторического языкознания изучением «последовательного развития от общеиндоевропейского к каждому данному языку» [Мейе 1938: 78], то уже в 30-е годы осознаётся необходимость изучения предыстории самого праиндоевропейского языка [Бенвенист 1955: 25], который следует рассматривать «не как собрание неизменных символических знаков, а как язык в его становлении, раскрывающий в своих формах такое же разнообразие происхождения и хронологии, как и у любого исторически засвидетельствованного языка», как язык, «хотя и восстановленный, но допускающий, тем не менее, генетический анализ» [Бенвенист 1955: 26]. Таким образом, возникновение в 60-е гг. ностратики, одной из задач которой является диахронический анализ праязыков, было подготовлено всем предшествующим развитием сравнительно-исторического языкознания.

признак одушевлённости реализуется только тогда, когда предмет является субъектом. В случае, если он занимает положение объекта, его одушевлённость иррелевантна. Очевидно, однако, что два случая употребления аффикса *-m* весьма различны. Дифференциация субъекта и объекта обусловлена различием положений предметов относительно друг друга (такую дифференциацию именных форм можно назвать относительной). Дифференциация субъектов обусловлена наличием/отсутствием у денотата некоторого признака или качества (т. е. является классификационной дифференциацией).

Очевидно, что восприятие предметов как «одушевлённых» («активных») и «неодушевлённых» («инактивных») образуется не произвольно, не а priori. Оно складывается в ходе эмпирического познания, как следствие опыта наблюдения за предметом. Реализация признаков активности ~ инактивности зависит от положения предмета при совершающемся действии. Активность проявляется в случае, когда предмет оказывает какое-либо воздействие на другой предмет, т. е. когда он выступает субъектом активного действия. Следовательно, восприятие предметов как активных обусловлено их способностью оказывать какое-либо воздействие на другой предмет. Активность реализуется тогда, когда предмет занимает позицию субъекта воздействия (т.е. активного действия). Восприятие предметов как инактивных обусловлено их неспособностью оказывать какое-либо воздействие на другой предмет и, следовательно, неспособностью занимать позицию субъекта активного действия. Из этого следует, что в зависимости от способности занимать положение субъекта активного действия, всё множество предметов делится на два класса. Первый класс составляют предметы, могущие одинаково часто быть и субъектами, и объектами активного действия. Вторым классом составляют предметы, не могущие быть субъектами активного действия. Выделение этих двух классов предметов связано с наличием двух типов действий: 1) действия, представляющие собой то или иное воздействие на предмет (активные действия), и 2) действия, не являющиеся воздействием на предмет (инактивные действия). Активное действие не только распространяется на

предмет, но и является воздействием на него. Инактивное действие также может распространяться на предмет, но оно не является при этом воздействием. (Ср., например, *человек кладёт камень, камень убивает человека, молния зажигает дерево* – активные действия; *человек сохраняет мужество, древесина сохраняет твёрдость* – инактивные действия с объектом; *человек лежит, древесина лежит* – инактивные действия без объекта). Итак, различие активных и инактивных действий проявляется в наличии прямого объекта у первых и его отсутствии у вторых. Активное действие, являясь по своей природе воздействием, естественно подразумевает предмет, испытывающий это действие. Инактивное действие чаще всего не является направленным на предмет; в случае наличия этой направленности, предмет не испытывает какого-либо воздействия. При глаголе, обозначающем активное действие, имена предметов 1-го класса могут одинаково часто быть и субъектами, и объектами; имена предметов 2-го класса могут занимать только позицию объекта. В принципе, любой предмет 1-го класса, в силу своей способности быть производителем активного действия, может быть воспринят как одушевлённый, а действие, совершаемое им, – как разумное и целенаправленное. Вероятно, именно такое восприятие предметов характеризовало ту эпоху, когда возникла классификационная дифференциация существительных.

Без установления причины восприятия одних предметов одушевлёнными, других неодушевлёнными, анализ лингвистических категорий, с которыми диахронически связана категория рода, неизбежно был бы поверхностным. Установление этой причины, в свою очередь, связано с реконструкцией некоторых аспектов протокультуры. Ни в коей мере не разделяя взгляд на доступный реконструкции праязык как на источник информации о «первобытном мышлении», мы, тем не менее, не исключаем возможности использования данных лингвистической реконструкции для восстановления определённых аспектов мировосприятия. В данном случае лингвистический материал должен дополняться материалом мифологии, поскольку мифология являлась тем способом мыслительного освоения действительности, который

был свойствен праиндоевропейской эпохе. В основе мифологии лежит приписывание природе общинно-родовых отношений и, таким образом, одушевление природы. Эта особенность мировосприятия, которую А. Ф. Лосев определяет как космологический соматизм [Лосев 1988: 191], основана на отсутствии сознательного установления в материальности её объективной абстрактной структуры [Лосев 1989: 8]. Следовательно, и во всяком отдельно взятом предмете не выявлялась его специфическая структура; предметы воспринимались недискретно, в них внутреннее не отделялось от внешнего (степень этой недискретности уменьшалась с развитием общинно-родового строя). Представление о предметах и отношение к ним определялись не аналитическим распознаванием их объективных свойств, а биопсихологическими реакциями [Лосев 1996: 59]. Из этого следует делать вывод о том, что любое изменение или действие, внешне соотнесённое с материальностью предмета, воспринималось одновременно как прямое выражение его смысловой сущности. Таким образом предметам приписываются свойства и качества, объективно им не принадлежащие. Например, причины таких действий, как падение со скалы камня или удар молнии, помещаются в сами эти предметы. Любое активное действие, производимое предметом, кажется целенаправленным, а сам предмет представляется разумным и одушевлённым и этими качествами подобным человеку. Одушевление в данном случае представляет собой не метафору, а является отношением к вещи как к одушевлённой, живой в буквальном смысле. Это основано на восприятии и объяснении внешних явлений, связанных с предметами, как непосредственного выражения их собственной смысловой сущности. Такое отношение к действительности является основной особенностью мифологического мировосприятия, сохраняющейся во все периоды общинно-родового строя, включая и тот, к которому хронологически относится индоевропейский праязык.

Итак, решение первой проблемы, поставленной в данной статье, кратко формулируется следующим образом:

а) Объективной предпосылкой именной классификации является наличие двух классов предметов: 1-ый класс – предметы, могущие быть и субъектом, и объектом активного действия; 2-ой класс – предметы, не могущие быть субъектом активного действия.

б) Восприятие предмета как одушевлённого определяется его способностью быть субъектом активного действия; восприятие предмета как неодушевлённого определяется его неспособностью быть субъектом активного действия.

в) Приписывание признаков одушевлённости ~ неодушевлённости является средством объяснения причины действий и изменений, связанных с предметами: так, активные действия воспринимаются и объясняются как следствие одушевлённости предмета.

Рассмотрим теперь, как осуществлялась классификационная дифференциация именных форм.

Поскольку предмет 1-го класса в зависимости от своего положения воспринимается по-разному – либо с осуществлённым, либо с неосуществлённым признаком одушевлённости – это различие в восприятии требует дифференциации соответствующих именных форм. Имя 1-го класса должно иметь две различные формы – субъектную (отражающую положение предмета, в котором проявляется одушевлённость) и объектную (отражающую положение предмета, в котором он испытывает действие, т.е. когда его собственная одушевлённость иррелевантна). Иначе обстоит дело с именами 2-го класса. Поскольку неодушевлённые предметы не могут занимать положение субъекта активного действия, всегда являясь при этом действиями объектами, у имён 2-го класса имеется только одна форма. Ввиду невозможности для имён 2-го класса оппозиции «субъект ~ объект» при активном глаголе, эти имена не имеют соответствующего маркирования. Иначе говоря, форма имён 2-го класса не маркируется специально как объектная. Что касается инактивного действия, то его носителем может быть и одушевлённый, и неодушевлённый предмет; поэтому способность занимать положение субъекта инактивного

действия не является выражением одушевлённости или неодушевлённости; следовательно, позиция субъекта инактивного действия специально не маркируется (ср. [Филлмор 1999: 206-207]).

На первый взгляд, изложенные соображения ведут к некоторому противоречию. Сказано, что в позиции прямого объекта признак одушевлённости снимается; соответственно, имя 1-го класса формально приравнивается здесь к именам 2-го класса. А поскольку у имён 2-го класса нет форманта прямого объекта, его, следовательно, не могут иметь и имена 1-го класса. Что касается позиции субъекта, то при активном действии он всегда является одушевлённым и не требует поэтому специального маркирования; при инактивном действии признаки одушевлённости ~ неодушевлённости irrelevantны. Следовательно, и в этой позиции у имён нет соответствующего форманта.

С другой стороны, говорится, что имена 1-го класса должна иметь две различные формы – субъектную и объектную. Но если ни одна из позиций, занимаемых именем, не нуждается в маркировании, как появляются эти формы? Ответ на этот вопрос будет предложен далее, после анализа некоторых ностратических словообразовательных и словоизменительных аффиксов. Прежде чем приступить к этому анализу, ещё раз отметим, что хотя те позиции, которые может занимать имя 1-го класса, сами по себе не нуждаются в специальном маркировании, предмет, обозначенный этим именем, в зависимости от своего положения воспринимается по-разному. В положении субъекта активного действия он всегда (имманентно) активен, в положении прямого объекта – всегда инактивен. Именно это различие, проявляющееся в названных позициях, и требует морфологического выражения. Тем самым, позиция субъекта активного действия маркируется как позиция, в которой проявляется одушевлённость; точно так же, позиция прямого объекта маркируется как позиция, в которой признак одушевлённости снимается.

Обращаясь к материалу индоевропейских языков, мы видим два типа имён: имеющие разные аффиксы в позициях субъекта и прямого объекта (*-s

resp. **-m*) и имеющие один и тот же аффикс в этих позициях (**-∅*, **-m*). Поскольку неодушевлённость оправданно реконструируется как семантическая доминанта имён на **-∅* и **-m*, есть все основания предполагать, что эти имена были обозначениями предметов, не могущих быть субъектами активного действия (имена 2-го класса); в то же время, имена на **-s* являлись обозначениями предметов, могущих занимать эту позицию (имена 1-го класса). Имена 1-го класса закономерно приобретают в позиции прямого объекта аффикс имён 2-го класса **-m*. Исходя из совпадения формы прямого объекта у имён 1-го класса с формой имён 2-го класса, можно заключить, что если у первых **-m* представляет собой словоизменительный аффикс, у вторых он генетически не является таковым. Как говорилось выше, у объектной формы имён 2-го класса нет особого маркирования; в качестве субъекта инактивного глагола эти имена также не маркируются, поскольку эта позиция не является позицией проявления признаков одушевлённости ~ неодушевлённости. Следовательно, имена 2-го класса характеризуются нулевой флексией и в субъекте, и в прямом объекте. Закономерным поэтому будет предположение, что и.-е. **-m* является по происхождению словообразовательным аффиксом неодушевлённых имён. Его использование в качестве показателя прямого объекта у одушевлённых имён является выражением снятия признака одушевлённости в данной позиции. Здесь встаёт вопрос об этимологии и.-е. **-m*, который не может быть решён на основании одного индоевропейского материала.

Согласно В. М. Иллич-Свитычу, и.-е. **-m* восходит к праностратическому показателю маркированного прямого объекта **-mA* [Иллич-Свитыч 1976: 48-51 (№ 285)], который, однако, характеризовал не все имена: его имели по преимуществу обозначения одушевлённых предметов. Имена неодушевлённых предметов в позиции прямого объекта характеризовались нулевым аффиксом (в частности, судя по данным дравидийских языков; ср. также индоевропейские гетероклитические существительные и *u*-основы ср. р.). Поскольку позиция прямого объекта характеризуется снятием признака одушевлённости, имена 1-го класса должны оформляться в этой позиции так

же, как имена 2-го класса. Однако мы сталкиваемся с несовпадением их аффиксов: **-mA* – у одушевлённых и **-∅* у неодушевлённых имён. Мы подошли к тому противоречию, о котором говорилось выше. Оно может быть разрешено путём установления этимологии праностр. **-mA*.

Наличие **-mA* в позиции снятия признака одушевлённости у имён 1-го класса свидетельствует о какой-то связи этого форманта с неодушевлёнными именами. Мы предполагаем, что первичное назначение праностр. **-mA* – словообразовательное. Генетически это именной суффикс, развившийся из праностр. **mA*, форманта в относительных конструкциях с именной функцией; см. об этом [Иллич-Свитыч 1976: 45-48 (№ 284)]. Существенно, что из реконструированных именных словообразовательных аффиксов именно **-mA*, судя по рефлексам, отличался наибольшей универсальностью и широтой значения; следует предполагать, что **-mA* был наиболее частотным суффиксом неодушевлённых имён. Вследствие необходимости формальной дифференциации позиций релевантности ~ иррелевантности признака одушевлённости, имена 1-го класса приобретают в позиции прямого объекта (т.е. в позиции иррелевантности признака одушевлённости) аффикс **-mA > *-m*, характеризующий производные имена 2-го класса. Распространение **-mA* на одушевлённые имена обусловлено приравниванием одушевлённых имён к неодушевлённым в позиции прямого объекта. Таким образом, аффикс **-mA* начинает использоваться в словоизменительной функции показателя прямого объекта (в позиции субъекта в праностратическом сохраняется нулевой аффикс). Возникают два парадигматических класса имён: к 1-му относятся имена, употребляющиеся и в субъекте, и в прямом объекте и имеющие разные аффиксы в этих положениях; ко 2-му относятся имена, не употребляющиеся в субъекте активного глагола, а в прямом объекте имеющие нулевой аффикс. Существенно, что форманты, посредством которых осуществляется относительная дифференциация имён 1-го класса, являются одновременно показателями релевантности ~ иррелевантности признака одушевлённости: относительная дифференциация совмещается с классификационной.

Очевидно, что существенным моментом в приведённом построении является гипотеза о первоначально суффиксальном характере **-m* в неодушевлённом классе. Следует учитывать, что В. М. Иллич-Свитыч не усматривал связи между и.-е. **-m* как показателем неодушевлённого класса и суффиксом **-mA*. Тем не менее, в пользу предположения о первоначально суффиксальном характере **-m* в неодушевлённом классе свидетельствуют данные, приведённые в [Хелимский 2000]. Е.А.Хелимский предполагает, что **-m* в среднем роде генетически является суффиксом *nomina abstracta*, который возводится к клитике **mA*. В его статье приводится материал самодийских языков, сохраняющих данную клитику в её древнейшей функции [Хелимский 2000: 471]. Приводится также пример этимологического тождества собирательных форм с **mA* в славянском и селькупском [там же: 472].

Необходимо отметить одну деталь, затрудняющую интерпретацию индоевропейских существительных ср. р. с **-m* и форм с **-mA* (подобных селькупским) как полностью тождественных на синхронном уровне. Дело в том, что пие. **-m* является словоизменительным аффиксом, в отличие от форм, аналогичных селькупской, где **-mA* выступает как словообразовательный элемент. Мы, однако, предполагаем, что функционирование **-m* в качестве окончания является поздней индоевропейской инновацией, вызванной появлением окончания **-s* у одушевлённых имён в им. п., в результате чего **-m* было осмыслено как окончание им. п. ед. ч. неодушевлённого класса (т.е. произошло переразложение основы, при котором **-m*, являвшееся суффиксом, стало окончанием: **цед-j-o-m-Ø* (с нулевым окончанием) > **цед-j-o-m* (с окончанием **-m*) > рус. *-водье* в *мелководье*); подробнее об этом процессе см. ниже.

Таким образом, для праностратического реконструируется следующая глубинная структура:

S	$N_1 - *- \emptyset$	$N_1 - *- \emptyset, N_2 - *- \emptyset$
O+	$N_1 - *-mA, N_2 - *- \emptyset$	–

(схема 1)

В схеме показаны аффиксы, которые имена имеют в позициях субъекта и прямого объекта при глаголе (позиция прямого объекта при инактивном глаголе невозможна). **S** символизирует позицию субъекта, **O+** – маркированного прямого объекта, V_{act} – активный глагол, V_{inact} – инактивный глагол, N_1 – имя 1-го класса (одушевлённое), N_2 – имя 2-го класса (неодушевлённое).

Как видно, глубинную структуру подобного типа следует описывать посредством схемы 103 у Филлмора [Филлмор 1999: 206].

Рассмотрим теперь, как глубинная структура праностратического языка преобразовывалась в праиндоевропейском.

Исходное праиндоевропейское новшество – это маркирование имён 1-го класса в позиции субъекта активного глагола аффиксом $*-s$ (о возможной связи этого аффикса с основой указательного местоимения м. и ж. р. $*s$ - см., например, [Уленбек 1950: 101]). Маркирование обусловлено тем, что в позиции субъекта активного действия проявляется одушевлённость денотата, – это противопоставляет данную позицию как прямому объекту, где одушевлённость (т. е. способность активно действовать) утрачивается, так и субъекту инактивного действия, где признаки одушевлённости ~ неодушевлённости иррелевантны. Для раннего праиндоевропейского восстанавливается следующая глубинная структура (ср. схему 106 у Филлмора [Филлмор 1999: 207]):

	V_{act}	V_{inact}
S	$N_1 - *-s$	$N_1 - *- \emptyset, N_2 - *- \emptyset$
O	$N_1 - *-m, N_2 - *- \emptyset$	–

(схема 2)

Преобразование праностратической структуры относительной дифференциации имён повлекло значительную перестройку именной парадигмати-

ки. Преобразованиям подверглась парадигма тех имён, которые могли занимать позицию субъекта активного глагола и характеризовались здесь окончанием *-s. Эта позиция характеризовалась в праностратическом нулевым показателем, следовательно, пие. *-s присоединялось к чистой основе. Присоединение этого окончания было чётким указанием границы основы (о тематических гласных см. ниже). Вследствие этого, основа названных имён не могла при словоизменении распространяться элементами, отсутствующими в основе падежа субъекта активного глагола. Окончания косвенных падежей должны были присоединяться к той же основе, к какой присоединялось окончание прямого падежа. Действие этого морфотактического правила привело к исчезновению элементов предшествующей словоизменительной системы. Прежде всего, исчез праностратический показатель косвенной формы *-n [Иллич-Свитыч 1976: 78-81 (№ 314)]; см. ниже о гетероклитическом склонении. В праиндоевропейском показателе родительного падежа (падежа, непосредственно отражающего древнюю косвенную форму) становится *-s. Это окончание этимологически отождествляется с окончанием падежа субъекта активного глагола [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 277]: будучи показателем одушевлённого субъекта, окончание *-s должно было характеризовать и определяющие слова в атрибутивных синтагмах; в тех синтагмах, которые выражали принадлежность, форма определяющего слова становится формой притяжательного родительного падежа.

Изменения произошли и во множественном числе. Аффикс *-s, маркируя позицию проявления признака одушевлённости, присоединялся к именам и в единственном, и во множественном числе, т. е. выражал только граммему субъекта активного глагола и не указывал на число. Для отличия единственного числа от множественного использовался элемент *-e-, выступавший тем самым показателем множественности: и.-е. *ped-s ‘нога’ ~ *ped-e-s ‘но́ги’. Мы предполагаем, что возникновение *-e- как показателя мн. ч. одушевлённых имён было обусловлено наличием имён с аффиксом *-o-, восходящим к праностратическому словообразовательному аффиксу отглагольных имён *-

ʔa [Иллич-Свитыч 1971: 258 (№ 122)]. Аффикс *-o- и в праиндоевропейском использовался для образования имён от глаголов (ср. др.-греч. *λόγος* ‘слово’ к *λέγω* ‘говорю’). Именно под влиянием имён с суффиксальным *-o- (< пра-ностр. *-ʔa), элемент *-o- распространяется на безсуффиксные («корневые») имена, становясь показателем единственного числа. «Тематизация» имён не была завершена в праиндоевропейском: противопоставление нулевого показателя в ед. ч. и показателя -e- во мн. ч. отражено в существительных корневого склонения, имеющих окончание *-s в им. п. ед. ч. и *-es в им. п. мн. ч.

Наличие показателя *-s во мн. ч. указывает на особое значение этой формы: она выражает множество, в котором денотаты сохраняют признак одушевлённости, т. е. множество отдельных единиц. В праиндоевропейском имелся ещё один показатель множественности, *-H₂, отражённый как *-ǵ/ǵ̄ в им. п. мн. ч. имён ср. р. [Мейе 1938: 305, 330]. То, что форма им. п. мн. ч. ср. р. согласуется с глаголом в ед. ч. (например, в древнегреческом), свидетельствует о первоначальном – собирательном – значении этой формы. В данном случае указывается не на множество отдельных предметов, а на целое, образуемое множеством. Формант *-H₂ был парадигматическим элементом, выражавшим собирательность, и использовался наряду с формантом отдельной множественности *-e-s. Существенно, что возможность присоединения *-H₂ не зависела от типа имени: его могли иметь имена как 1-го, так и 2-го класса. На наличие *-H₂ у имён 1-го класса указывают случаи двойности мн. ч.: ср. лат. *loca* ‘места, местность’ и *locī* ‘отдельные места’ к *locus* ‘место’. Поскольку при нераздельной множественности признак одушевлённости irrelevantен, имя с формантом *-H₂ не допускало присоединения окончания *-s и не могло сочетаться с активным глаголом. Под влиянием формы отдельной множественности формант *-H₂ осложняется элементом *-e-: *-H₂ → *-e-H₂. Этот процесс, сходный с тематизацией, не был завершён в праиндоевропейском, вследствие чего в одних языках закрепился вариант *-H₂, в других *-e-H₂: ср. др.-греч. *ζυγά*, лат. *juga*, отражающие *-H₂ и ст.-слав. *и҃га*, др.-англ. *geosi*, отражающие *-e-H₂.

И в праностратическом, и в раннем праиндоевропейском морфологическое выражение одушевлённости и неодушевлённости является позиционно обусловленным, т.е. связано с противопоставлением позиций, занимаемых именем в предложении: форманты, посредством которых осуществляется относительная дифференциация (т.е. форманты падежей) являются одновременно показателями одушевлённости ~ неодушевлённости. В более позднем праиндоевропейском выражение одушевлённости перестаёт быть связано только с субъектом активного глагола. Формант одушевлённости **-s* переносится и на ту позицию, где этот признак ранее был иррелевантным, а именно, на позицию субъекта инактивного глагола. Установление различного маркирования имён в одном и том же положении (положении субъекта инактивного глагола) выражает независимость признака одушевлённости от позиции. Это явление свидетельствует о том, что одушевлённость начинает восприниматься как имманентный признак предмета. В неодушевлённых именах, образованных посредством суффикса **-m* (праностр. **-mA*), это **-m* перестаёт быть суффиксом и превращается в окончание. Это обусловлено появлением окончания **-s* у одушевлённых имён в позиции субъекта инактивного глагола. И.е. **-s* и **-m* становятся показателями классов: **-s* выражает граммы субъекта (и активного, и инактивного глагола) и одушевлённости, **-m* выражает граммы субъекта инактивного глагола, прямого объекта и неодушевлённости. Глубинная структура этого периода изображена в схеме:

	V_{act}	V_{inact}
S	$N_1 - *-s$	$N_1 - *-s, N_2 - *-Ø, *-m$
O	$N_1 - *-m, N_2 - *-Ø, *-m$	–

(схема 3)

Аффикс **-m* в субъекте инактивного глагола характеризовал не все неодушевлённые имена. Нулевой показатель в этой позиции сохраняется у неодушевлённых имён с *i*- и *u*-основами, а также у тех неодушевлённых имён, которые в праностратическом и в раннем праиндоевропейском были производными именами 2-го класса (точнее, не были образованы с помощью **-*

m(A)). Последние, наряду с нулевым показателем в им. и вин. падежах, сохраняют рефлекс праностратического форманта косвенного падежа *-*n* [Иллич-Свитыч 1976: 78-81 (№ 314)], который утрачивает своё значение, отходит к основе и не вычленяется как словоизменительный аффикс; показателем родительного падежа становится *-*s*. Наличие -*n*- в основе косвенных падежей образует гетероклизию. Список гетероклитических существительных см., например, в [Бенвенист 1955: 27-46]; им же была показана вторичность элементов *-*r* и *-*i* в словах этого типа [там же: 47-55; 215-218].

Что касается имён одушевлённого класса, то они утратили *-*n* в косвенных падежах ещё в период предшествующей глубинной структуры. Чем обусловлено сохранение *-*n*, пусть и в изменённом качестве, у гетероклитических существительных? Здесь действует та морфотактическая закономерность, о которой говорилось выше: все падежные показатели должны были присоединяться к той основе, к какой присоединялись показатели прямого падежа в ед. ч. Те неодушевлённые имена, которые не были образованы с помощью *-*mA*, имели нулевой показатель в прямом падеже ед. ч. и, следовательно, допускали сохранение -*n*- в косвенных падежах (появление -*i* в им. п. ряда слов гетероклитического склонения вызвано, по-видимому, контаминацией с *i*-основными именами неодушевлённого класса.). В синхронии оказывается, что прямая и косвенная форма этих имён образуется от разных основ. Итак, благодаря внешнему сравнению гетероклитическое склонение предстаёт в реальной диахронической перспективе: за собранием форм, «заимствованных из самых разных систем, объединённых позднее и зачастую без должной связи» [Бенвенист 1955: 218], видится один чётко определённый морфологический тип. К гетероклитическому склонению относятся те неодушевлённые имена, которые в праностратическом были именами 2-го класса, образованными без суффикса *-*mA*.

Происходят изменения и в системе форм мн. ч. Неодушевлённые существительные имели только одну форму мн. ч. – собирательную на *-(*e*-)*H*₂. Формы раздельного мн. ч. у этих существительных не было. Вследствие от-

сутствия оппозиции раздельного ~ нераздельного мн. ч., $*(e-)H_2$ у неодушевлённых имён утрачивает своё особое, собирательное, значение и становится показателем мн. ч., нейтральным в отношении раздельности ~ собирательности. Это способствует исчезновению грамматической категории раздельности ~ собирательности.

Имелось определённое количество существительных, употреблявшихся в форме только нераздельной множественности (*collectiva tantum*), например, $*H_1kw-e-H_2$ (лат. *aqua*, гот. *ahwa*, рус. *Ока*). Сюда же относились имена с отвлечённым значением, развившимся на основе значения нераздельной множественности (лат. *fuga* ‘бег’, гот. *giba* ‘дар’). После того, как аффикс $*(e-)H_2$ перестал быть показателем собирательности, статус этих существительных изменился. С одной стороны, их форма перестала указывать на собирательность; с другой стороны, специфика денотатов препятствовала восприятию их формы как формы множественного числа. Вследствие этого, данная группа существительных образовала отдельный парадигматический класс, особенностью которого стало окончание $*(e-)H_2 > *-ā/\bar{a}$ в им. п. ед. ч.³ Удобнее всего пояснить это на примере пие. $*H_1kw-(e)-H_2$. Первоначально это была форма *collectiva tantum* со значением ‘нераздельная совокупность вод, “составляющая”, например, реку’. Новая функция аффикса $*(e)-H_2$ ($*-H_2 > -a$; $*-e-H_2 > -\bar{a}$) как показателя мн. ч. стала противоречить сущности денотата: здесь важно не множество элементов само по себе, а целое, создаваемое множеством. В итоге данная форма стала единственным числом с окончани-

³ Первоначально такие существительные имели форму собирательного мн. ч. при отвлечённом значении (*collectiva tantum > abstracta*). Впоследствии, с утратой формантом $*-\bar{a}/-a$ специально собирательного значения, их форма стала формой ед. ч. В германских языках имеются случаи, когда отвлечённое существительное используется в форме только мн. ч., имея рефлекс форманта $*-\bar{a}$. Ср. новоисл *hrif* с. (мн.) ‘восторг’; *áhrif* с. (мн.) ‘влияние’ (образовано к *hrifa* 1 ‘выхватывать; действовать на кого-л., производить впечатление, увлекать’). Это свидетельствует, что отвлечённые имена на $*-\bar{a}$ наряду с переходом в ж. р. ед. ч. могли сохраняться и образовываться в форме мн. ч. ср. р. (первоначально форма нераздельной множественности).

ем $*\bar{a}/-a$, где собирательность уже не выражена морфологически, а лишь в большей или меньшей степени коннотируется лексическим значением.⁴

После утраты аффиксом $*(e-)H_2$ собирательного значения у одушевлённых имён оказалось два показателя мн. ч. – $*-e-s$ и $*(e-)H_2$. Очевидно, что второе окончание было здесь малопригодно: имя с $*-H_2$ могло сочетаться только с инактивным глаголом в ед. ч., что не соответствовало функции одушевлённых имён. В большинстве случаев во мн. ч. закреплялось $*-e-s$. Но иногда мн. ч. на $*-H_2$ сохранялось – это было обусловлено значительным различием значений прежних форм собирательности и раздельности (ср. значения ‘местность’ и ‘отдельные места’). Аффикс $*(e-)H_2$, присоединяясь к основам одушевлённых имён, приобрёл совершенно новое значение, став показателем женского рода. Разделение имён одушевлённого класса на два парадигматических типа (т.е. на два рода) знаменует возникновение новой именной категории – категории рода (genus). В плане содержания грамматическая категория рода связана на данном этапе с приписыванием денотатам мужского или женского пола. Таким образом, данная категория является морфологической реализацией понятия пола (sexus). Это понятие является естественным развитием понятия об одушевлённости. До разделения одушевлённого класса на две парадигмы формант $*-s$ характеризовал обозначения денотатов и мужского, и женского пола, т.е. пол денотата грамматически не выражался (ср. др.-греч. *πατήρ*, *παρθένος*, *παῖς*). При возникновении категории рода $*-s$ становится показателем т, что отражается в существовании пар типа *ἀδελφός* ~ *ἀδελφή*. Имена ж. р. объединяются по своей форме с существительными *collectiva tantum* на $-\bar{a}/\bar{a}$.

⁴ Ср. значения лат. *aqua* – ‘вода; воды, море, озеро, река; дождь; воды, источники; слёзы’ и гот. *ahwa* – ‘вода, воды’ в контексте: «когда случилось наводнение, и вода напёрла на этот дом, то не могла поколебать его» (Л. 6: 48). В следующем стихе в совершенно аналогичном контексте используется слово *flōdus*: “дом..., когда напёрла на него вода, тотчас обрушился” (Л. 6: 49). Таким образом, греч. *ποταμός* переводится и как *ahwa*, и как *flōdus*, однако *ahwa* использовалось, вероятно, только тогда, когда речь шла о речных водах, а не о реке как географическом объекте. В скандинавских языках это слово полностью утрачивает собирательное значение и используется только как обозначение реки: исл. *á*, *-r*, *-r* ж. ‘река’; шв. *å*, *-n*, *-ar* ‘река’ (средней величины).

Такое существительное одушевлённого класса, как пие. **bherH₁g'-o-s* 'берёза' могло иметь две формы множественности: **bherH₁g'-e-s* и **bherH₁g'-e-H₂*. Впоследствии **bherH₁g'-e-s* закрепилось как мн. ч. (→ **bherH₁g'-o-es* > **bherH₁g'-ōs*), а **bherH₁g'-e-H₂* стало формой ед. ч. ж. р. к **bherH₁g'os*. В исторических языках обобщён либо *m*, либо *f*: ср. др.-инд. *bhūrjáh* м. (< пие. **bh_rH₁g'os*), лит. *béržas* м. (< пие. **bherH₁g'os*) и др.-исланд. *björk* ж., рус. *берёза* ж. (< **bherH₁g'ā*).

Возникновение двух разновидностей одушевлённого класса было последним важным событием эпохи семантически мотивированной классификационной дифференциации. Далее происходит десемантизация именных классов, обусловленная глубокими изменениями в мировосприятии человека. Эти изменения были следствием разрушения дорефлективной мифологии, в основе которой лежало восприятие объективно неодушевлённых предметов как способных действовать самостоятельно и целенаправленно. Действия, соотнесённые с материальностью вещи, постепенно перестали восприниматься как непосредственно обусловленные сущностью самих этих вещей. Представление об одушевлённости и неодушевлённости делалось излишним, поскольку активные действия уже не мыслились выражением одушевлённости предмета. Соответственно, стирались принципы отнесения существительных к тому или иному классу. Принадлежность к парадигматическим классам перестала быть семантически мотивированной. Это значит, что форманты **-s*, **-ā/ā* и **-m*, **-∅* перестали выражать граммемы одушевлённости и неодушевлённости и стали чисто парадигматическими элементами – показателями падежей. В позиции субъекта активного глагола оказались возможны имена на *-m*; точно так же, *-m* в позиции прямого объекта уже не указывал на утрату признака одушевлённости. Именные классы, утратив семантическую мотивированность, продолжают, однако, противопоставляться формально, что и создаёт деление на исторические роды. Вследствие десемантизации именных классов форманты **-(o-)s* и **-ā/ā* перестали быть показателями пола у обозначений (объективно) неодушевлённых денотатов: в этом случае род

перестал соотноситься с полом. В последующие эпохи соотнесённость неодушевлённых предметов с мужским или женским полом может быть обусловлена различными поверьями, особыми для каждой культуры, а также поэтическим олицетворением. Более или менее регулярная соотнесённость рода с полом ограничивается только обозначениями одушевлённых денотатов.

Итак, решение второй проблемы, поставленной в данной статье, кратко формулируется следующим образом:

а) Отправной точкой развития именной классифицирующей категории, представленной в индоевропейских языках, является возникновение двух парадигматических классов существительных в праиндоевропейском: существительных, употребляющихся и в субъекте, и в прямом объекте, и имеющих разные показатели в этих позициях; существительных, не употребляющихся в субъекте активного глагола, а в прямом объекте имеющих нулевой показатель.

б) Разделение одушевлённого класса на две парадигмы в праиндоевропейском вызвано исчезновением грамматической категории отдельного ~ собирательного мн. ч. и использованием показателя, выражавшего собирательность, в качестве форманта женского пола. Показатель, выражавший одушевлённость (недифференцированную в отношении пола), становится показателем мужского пола.

в) Замена двучленной системы именных классов на трёхчленную обусловлена приписыванием тем денотатам, которые мыслятся одушевлёнными, мужского или женского пола. Таким образом, новая система явилась грамматической реализацией понятия пола.

Некоторые дополнительные особенности формирования классификационной дифференциации существительных могут быть прослежены в связи с историей \bar{i} -основ. В истории существительных с суффиксом $*-\bar{i}$ - мы выделяем следующие этапы (см. также [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 284-285]):

I. Вследствие превращения формы нераздельной множественности в форму ж. р., в праиндоевропейском возникают имена с $*-ī$ ($< *-ī-H_2$) в им. п. ед. ч. Форма активного субъекта (с $*-ī-s$) становится формой субъекта м. р.

II. Существительные м. р. на $*-ī-s$, обозначающие лиц мужского пола и те предметы, которые мыслятся носителями мужского начала, тематизируются под влиянием более многочисленных имён на $*-o-s$. Точно так же, существительные ж. р. на $ī$ переходят в $ā$ -склонение. Возникают склонения на jo/ijo и на $jā/ijā$. Значение ‘относящийся, принадлежащий кому-л./чему-л.’, свойственное основам на $*-ī-$ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 284], может быть прослежено у существительных на $*-jo-$ и $*-jā-$, являющихся, как мы предполагаем, следствием преобразования древних $ī$ -основ: ср. ст.-слав. **ДОУША** ($*dūxjā$) к **ДОУХЪ**; др.-исл. *Ægir* м. р., *ia*-основа, имя морского божества ($<$ прагерм. $*ēgw-ij-az$ [Noreen 1923: § 317.3a] из $ī$ -основы $*ēgw-ī'$) и др.-исл. *eu* ж. р., $jō$ -основа ‘остров’ ($<$ прасканд. $*auj-u <$ прагерм. $*agw-ij-ō$ из $ī$ -основы $*agw-ī'$) к прагерм. $*ahwō$ ‘вода’⁵; др.-исл. *fyrvar* м. р., *a*-основа (мн.), др.-англ. *fīras* м. р., *a*-основа (мн.) ‘мужи’, ‘die zur Welt, zum Leben gehörigen’ [Kluge 1926: § 7] (прагерм. $*fergw-ij-ōz$ из $*fergw-ī'$) к гот. *fairhwus* м. р., *u*-основа ‘мир’. Переход $ī$ -основ ж. р. в $ā$ -склонение, начавшийся в праиндоевропейском, не был завершён. Старыми $ī$ -основами, сохраняющими исконную форму им. п. (т.е. $*-ī$, а не $*-j-ā/-ij-ā$) являются, например, др.-инд. *dēvī* ‘богиня’, гот. *þiwi* ‘служанка’.

III. В связи с появлением особой формы ж. р., старые обозначения лиц и существ женского пола должны были сменить показатель недифференцированной одушевлённости $*-ī-s$ (ставший формантом м. р.) на $*-ī$; в противном случае возникало противоречие между родом и полом. Сохранилось, однако, несколько существительных ж. р. с $*-ī-s$ в им. п. ед. ч.: это тип др.-инд. *vrkīh+* ‘волчица’. Можно предположить, что сохранению им. п. ж. р. на $*-īs$ способствовал полный переход $ī$ -основ м. р. в *o*-склонение, что исключало

⁵ Исчезновение $*g$ в *eu* и его сохранение в *Ægir* объясняется тем, что второе слово было образовано после прекращения действия той закономерности, по которой прагерм. $*g$ исчезало перед $*w$.

омонимию с $*-ī̄s$ как показателем м. р.: в связи с тематизацией $*-ī̄-$ в м. р. ($*-ī̄-s > *(i)j-o-s$) элемент $*-ī̄s$ сохранился как показатель только ж. р. Итак, возникновение двух разновидностей $ī̄$ -основ (т.е. $vr̥kīh̄$ и $dēvī̄$) обусловлено разделением праиндоевропейского одушевлённого класса на мужской и женский роды. Древние одушевлённые имена на $*-ī̄s$, обозначавшие лиц и животных женского пола, оказались под одновременным влиянием двух морфологических типов – $ī̄$ -основ ж. р. с $*-ī̄$ в им. п. ед. ч. с одной стороны, и $ā̄$ -основ с другой. Вследствие этого существительные ж. р. с $*-ī̄s$ либо меняли этот формант на $*-ī̄$ (посредством чего устранялось противоречие между полом и родом), либо приобретали формант $*-ā̄$. Очевидно, что масштаб этих двух явлений совершенно различен. Поскольку в целом $ī̄$ -основы сильно уступали в количестве $ā̄$ - и o -основам, переход $ī̄$ -основ в $ā̄$ - и o -склонение был более массовым, чем взаимодействие двух типов $ī̄$ -основ. Сохранившиеся существительные с $*-ī̄s$ согласовывались с прилагательными и местоимениями женского рода, что было обусловлено их значением.

Судьба $ī̄$ -основ в историческую эпоху определяется как унаследованными праиндоевропейскими закономерностями, так и нововведениями, присущими тому или иному языку. Рассмотрим, как $ī̄$ -основы изменялись в германских языках.⁶ Насколько известно, единственное слово, имеющее полное внешнее соответствие – это др.-исл. *ylgr* ‘волчица’ = вед. $vr̥kīh̄+$ [Семереньи 1980: 204]. В готском языке имеются только существительные типа $dēvī̄$, тип $vr̥kīh̄+$ не засвидетельствован (в исландском, наоборот, не засвидетельствован тип $dēvī̄$; он заменён $jō$ -склонением). Исландским существительным *mær*, *þír*, *heiðr* и т.п. (тип $vr̥kīh̄+$) соответствуют в готском *mawī*, *þiwi*, *haiþi* (тип $dēvī̄$). Отсюда следует, что прагерм. $*-ī̄s$ в им. п. ед. ч. (засвидетельствованное в исландском) было вытеснено в готском окончанием $*-ī̄$. Гот. *mawī* и другие слова этой группы имеют в им. п. ед. ч. именно $*-ī̄$ (сократившееся в исходе

⁶ Следует учитывать, что собственно $ī̄$ -основами в исторических германских языках могут считаться лишь те (преимущественно долгосложные) основы, которые имеют в им. п. ед. ч. аффиксы, восходящие к пие. $*-ī̄s$ (др.-исл. *ylgr*) или $*-ī̄$ (гот. *mawī*). В грамматиках они именуется $iō$ -основами.

слова), а не *-īš или *-ijō, т.к. такая форма, как *magwīs, дала бы в готском *maweis (как nēmeis 2 л. ед. ч. оптатива претерита к niman), а *magwijō – *mauja (как dōmja 1 л. ед. ч. индикатива презенса к dōmjan).

Итак, ī-основы типа vřkīh лучше всего представлены в древнеисландском, где сохранены отражения основных особенностей этого склонения: *-īš в им. п. ед. ч. (которое даёт др.-исл. -r с i-умлаутом, вызванным синкопированным i) и окситонное ударение (о месте ударения свидетельствует др.-исл. ylgr < прагерм. *wulgwī's 'волчица' при ulfr 'волк' < *wulʃ/hwaz). Ср. такие существительные с ī-основами, как mæR 'девушка' (< *mæR < *māz < *mauz < *mawiz < *mágwiz < прагерм. *magwī's), род. ед. meujar (*maujōz < прагерм. *magwijōz), и þír 'служанка' (< *þīR < *þiuz < *þi'wiz < прагерм. þiwī's), род. ед. þýjar (< *þiujōz)⁷.

Существенно, что древнее окончание им. п. ед. ч. *-ī//īš сохранилось только у долгосложных основ (единственное исключение – гот. þiwī, др.-исл. þír). Краткосложные основы имеют окончание ō-основ (например, гот. brakja, sibja, др.-исл. Frigg (прагерм. *frij-j-ō), Sif (*seb-j-ō).

Таким образом, индоевропейские особенности ī-основ хорошо отражены в германских языках. С одной стороны, видно колебание между *-īš и *-ī, причём исконным является, естественно, *-īš. С другой стороны, ī-основы вообще исчезают как морфологический тип, переходя в ō-склонение. Следует предполагать, что в ō-склонение переходили прежде всего существительные с *-ī (т.е. ж. р. типа dēvī. То, что это преимущественно краткосложные основы, обусловлено, по-видимому, случайным преобладанием в этом типе в прагерманском именно краткосложников. Точно так же, среди существительных на *-īš в прагерманском преобладали, по-видимому, долгосложные основы.

* * *

⁷ Варианты meу и þý возникают под влиянием основ косвенных падежей meу-, þý-. Таким образом, þý так же соотносится с þír, как meу с mæR.

Рассмотрев диахроническую структуру именной классификации, дадим относительную хронологию тех реконструированных явлений, последовательность которых составляет предысторию трёхчленной категории рода исторических индоевропейских языков:

ПРАНОСТРАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД.

1) Возникновение именных форм с относительной частицей **mA*, которая присоединялась и энклитически, и проклитически.

2) В тех праностратических диалектах, где частица **mA* была энклитикой (алтайский, уральский, дравидийский, индоевропейский), происходит её распространение на имена 1-го класса (т.е. имена, употреблявшиеся в субъекте активного глагола) в позиции прямого объекта; в этой позиции **mA* используется как словоизменятельный аффикс.

ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕРИОД.

3) Маркирование имён 1-го класса в позиции субъекта активного глагола аффиксом **-s* (< указательное местоимение). В атрибутивных синтагмах, где определяемым является имя 1-го класса, **-s* присоединяется к основе определяющего слова; исчезновение **-n* как показателя род. п. у имён 1-го класса. У имён 2-го класса (т.е. тех, которые не могли быть субъектами активного глагола) **-n* отходит к основе, а окончанием род. п. становится **-s*.

Превращение словообразовательного аффикса **-o-* (< праностр. **-ʔa*) в показатель единственного числа; в качестве показателя множественности используется **-e-*. Распространение **-e-* на формы нераздельной множественности.

4) Распространение **-s* на имена 1-го класса в позиции субъекта инактивного глагола: **-s* и **-m* становятся показателями классов. Возникает дву-членная классифицирующая категория, выражающая приписываемую дено-татам одушевлённость ~ неодушевлённость. В атрибутивных синтагмах, где определяемым является неодушевлённое имя на **-m*, показатель класса **-m* присоединяется к основе определяющего слова. Исчезновение **-n* как показателя род. п. у неодушевлённых имён на **-m*.

Распространение *-o- (показатель ед. ч.) на имена 2-го класса. Отсутствие категории раздельной множественности у инактивных имён влечёт превращение *-ā/-a в окончание мн. ч., нейтральное в отношении раздельности ~ собирательности. Вследствие превращения *-ā/-a в окончание мн. ч., форма существительных, использовавшихся только в форме нераздельной множественности, начинает противоречить их значению и осмысливается как особая форма ед. ч. на *-ā/-a.

Превращение формы нераздельной множественности одушевлённых имён в форму f; *-s становится показателем m: двучленная именная классификация заменяется трёхчленной.

5) Десемантизация именных классов. Поскольку различное маркирование имён в одних и тех же позициях (прежде всего, в субъекте) становится десемантизированным, оно не может быть устойчивым. В историческую эпоху происходят колебания в роде, выравнивание и разрушение парадигм, что может способствовать исчезновению самой грамматической категории рода.

В заключение предложим следующие определения:

Именной класс в индоевропейских языках – это такая группа существительных, принадлежность которых к единому словоизменительному типу обусловлена их значением. Основанием для выделения именных классов является наличие семантической мотивации в принадлежности существительных к тому или иному типу склонения.

Категория **рода** в реконструированном праиндоевропейском – это морфологическое выражение приписываемого денотатам пола. С диахронической точки зрения роды исторических индоевропейских языков являются десемантизированными именными классами.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист 1955 – Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.

Гамкрелидзе/Иванов 1984 – Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Дыбо 1994 – В. А. Дыбо. Язык - Этнос - Археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Язык. Культура. Этнос. М., 1994. – С. 39-51.

Дыбо 2003 – В. А. Дыбо. Язык - Этнос - Археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Тезисы докладов международной научной конференции. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. – С. 65-79.

Иллич-Свитыч 1971-1984 – В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Под редакцией и с вступительной статьёй В. А. Дыбо. Т. I: Введение. Сравнительный словарь (*b-k*). Т. 2: Сравнительный словарь (*l-ž*). Указатели. Т. III: Сравнительный словарь (*p-q*). (По картотекам автора). М.: Наука, 1971, 1976, 1984.

Лосев 1988 – А. Ф. Лосев. Философия античности в целом и в частности // А. Ф. Лосев. Дерзание духа. М., Издательство политической литературы, 1988. – С. 171-198.

Лосев 1989 – А. Ф. Лосев. История античной философии в конспективном изложении. М., Мысль: 1989.

Лосев 1996 – А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996.

Мейе 1938 – А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.

Семереньи 1980 – О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс, 1980.

Уленбек 1950 – Х. К. Уленбек. Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков. // Эргативная конструкция предложения. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – С. 101-102.

Филлмор 1999 – Ч. Филлмор. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. – С. 127-258.

Хелимский 2000 – Е. А. Хелимский. Ностратические компоненты показателя собирательности: славянско-самодийская аналогия // Е. А. Хелимский. Компаративистика. Уралистика: Лекции и статьи. М., 2000.

Kluge 1926 – Fr. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 3. Aufl., bearb. von L. Sütterlin und E. Ochs. Halle: Niemeyer, 1926.

Noreen 1923 – A. Noreen. Altnordische Grammatik I. Altisländische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urnordischen. 5. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1970.

Опубликовано в: Вопросы языкознания, № 5 (2004). Стр. 79-92.